
Глава 1

Стоял погожий сентябрьский день, солнечный и теплый. Такси, в котором ехали супруги Забелины, миновало ворота поселка, проехало еще немного и остановилось перед домом Забелиных. Водитель помог Игорю Рудольфовичу вытащить из багажника автомобиля чемоданы, получил положенную мзду и укатил. Тем временем Юлия Владимировна, супруга Игоря Рудольфовича, открыла низенькую калитку, ведущую на участок, затем открыла дверь дома и вернулась к мужу, чтобы помочь ему внести в дом чемоданы.

Спустя несколько минут супруги уже стояли в просторном холле особняка. Оба с удовольствием вдохнули полной грудью знакомый аромат своего дома, исходивший от дорогого дерева полов и лестниц, и такой же дорогой кожи диванов, посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Путешествовать хорошо, но как здорово вернуться домой! — выразила общую мысль Юлия Владимировна.

— Да, последние два дня я только и думал что об этой минуте, — поддержал жену Забелин. — Я мечтал вернуться домой! Домой, в семейный уют, в семейное тепло... Увидеть наших детей, внука... А еще я думал о том, как я распакую наши покупки, как помещу ту чашу в свою коллекцию... Кстати, в каком она чемодане — в большом?

— Да, в большом чемодане, с правой стороны, — ответила жена. — Неужели ты сразу займешься своей коллекцией? У меня вот первое желание с дороги — пройтись по дому, посмотреть, все ли в порядке... Кстати, а почему нас никто

не встречает? Где Сережа? Где Лариса? И где, наконец, эта красotka Лера, и где наш внук?

— Сережа у меня заранее, еще до поездки, отпросился, — ответил муж. Он, не теряя времени, присел перед чемоданом, открыл его и начал искать купленную в Афинах чашу. — Попросил разрешения съездить на родину, в Александров. Ему, дескать, надо отцу помочь, картошку копать. Там у них большой участок, и отец один не справляется.

— И ты, конечно, разрешил! — саркастически заметила Юлия Владимировна. — Балуеть ты обслугу, и ничего хорошего из этого не выйдет. Вечно всем все разрешаешь.

— Не всем, и не все, — не согласился с женой Забелин. — Ты несправедлива. Я разрешаю что-то только в особых случаях. И в результате пользуюсь любовью обслуживающего персонала. Ага, вот она, красавица!

И он извлек из чемодана купленную в Греции чашу. Как гласило приложенное к покупке свидетельство, чаша была изготовлена на рубеже двух тысячелетий, примерно в 30-м году нашей эры. Игорю Забелину с трудом удалось получить разрешение на вывоз этого предмета старины из страны. Хотя чаша была, в сущности, очень простая — обычная поливная керамика, на стенах которой были изображены танцующие вакханки. Ценность ей придавал именно ее возраст.

— Ну вот, сейчас помешу эту драгоценность на ее место... — произнес Забелин, любуясь своей покупкой.

— Поместишь, поместишь, — отозвалась Юлия Владимировна. — Но ты так и не сказал, а где же остальные? Где Лариса и Лера?

— Вот этого я и сам не знаю, — признался хозяин дома. — Скорее всего, Лариса отошла куда-то за покупками, а Лера гуляет с Никитой. Сейчас вернутся, не беспокойся. Впрочем, если даже Лариса ушла надолго, я уверен, что она о нас позаботилась. Холодильник наверняка полон продуктов, в духовке стоит что-нибудь вкусенькое...

— Да, от чего-нибудь вкусенького я бы не отказалась, — согласилась жена. — Завтракали мы сегодня как-то наспех и давно. Давай помешай покупку в свою сокровищницу, и пойдем на кухню, посмотрим, чем можно заморить червячка.

— Сейчас, я быстро все устрою, — заверил жену Забелин.

Игорь Рудольфович, в сущности, был рад, что жена не будет сопровождать его в помещение, которое он называл «моя сокровищница». В этой комнате Забелин хранил ценные предметы трех видов. В ней были приобретенные на аукционах картины, предметы древности, наподобие той чаши, что он сейчас держал в руках, а также драгоценности. Из картин Игорь Рудольфович особо ценил портрет кисти Серова, пейзажи работы Поленова и Борисова-Мусатова. А из драгоценностей — бриллиантовое кольцо, а также браслет, усыпанный алмазами. Каждый из этих предметов стоил более полутора миллионов рублей. Ну а картины стоили еще дороже — намного дороже. В своей сокровищнице Забелин проводил много времени, и всегда один. Конечно, он брал туда жену — пусть посмотрит. А еще водил туда на экскурсию почетных гостей, бывавших у них в доме, — известных ученых, художников, музыкантов... Игорь Рудольфович, сам в прошлом ученый, а ныне крупный предприниматель и коллекционер, дружил и с людьми науки, и с людьми искусства.

Чтобы попасть в сокровищницу, надо было сначала войти в небольшую комнату, которую Забелины называли «малой гостиной». Там они устраивали приемы, когда гостей действительно было немного — два-три человека. У торцевой стены гостиной стоял ничем не примечательный шкаф с разного рода сувенирами. Шкаф этот был с секретом: при нажатии особой кнопки внутри шкафа он отъезжал в сторону, открывая металлическую дверь с вделанным в нее диском. Эта дверь открывалась, если набрать особый шестизначный код. И тогда хозяин дома попадал в свой Сезам... В нем висели на стенах и лежали на подставках сокровища, закрытые толстыми колпаками (картины — просто стеклами). И эти колпаки открывались тоже после набора кода.

Игорь Рудольфович вначале проверил, работает ли сигнализация. Работала — она была включена; значит, никто посторонний не пытался проникнуть в его Сезам. Тогда Забелин нажал кнопку, заставив шкаф изменить свое местоположение, затем набрал заветный код доступа, открыл дверь...

Купленная в Афинах за большие деньги старинная чаша выпала из рук своего хозяина и разбилась о каменный пол. Сам Игорь Рудольфович лишь каким-то чрезвычайным усилием воли устоял на ногах, не упал вслед за чашей. Он стоял и хлопал глазами, глядя на то, что увидел в своей сокровищнице.

Комната была пуста. Все колпаки откинuty, стекла с картин сдвинуты в сторону. Сами картины, а также все раритеты и драгоценности исчезли. Не осталось ни маленького портрета кисти Серова, ни пейзажа Борисова-Мусатова, ни браслета с алмазами, ни кольца с бриллиантами, ни даже самой маленькой чайной чашки из старинного китайского фарфора.

Забелин не знал, сколько времени он провел так, в прострации глядя на свою разоренную сокровищницу. Он слышал голос жены, окликавшей его, слышал ее шаги, но сам не мог ни двигаться, ни говорить. И только когда Юлия Владимировна подошла к нему вплотную, Забелин смог повернуться к жене и воскликнуть:

— Юля, нас ограбили! Ограбили! Они унесли все, абсолютно все!

— Да, Лев Иванович, из сокровищницы Забелина было украдено абсолютно все, — повторил генерал Орлов. — Причем сделано это мастерски — надо отдать должное грабителям. Они не оставили абсолютно никаких следов. Нет не только отпечатков пальцев — нет ни одного изображения на камерах видеонаблюдения. А ведь поселок, в котором живут Забелины, а также их дом напичканы камерами видеонаблюдения и всевозможными датчиками.

— То есть все эти средства наблюдения были отключены? — спросил Гуров.

Он сидел в кабинете начальника Главка уже пятнадцать минут. И все это время генерал рассказывал о дерзком ограблении особняка миллионера Забелина.

— Да, в полиции предполагают, что средства наблюдения отключили незадолго до ограбления, — ответил генерал. — Таким образом, мы можем довольно точно определить время, когда грабители проникли в дом. Это было между пятью

и шестью часами вечера. Можно даже сказать точнее: с семнадцати десяти до семнадцати пятидесяти.

— А откуда такая точность? — поинтересовался Гуров.

— Это то время, когда в доме никого не было, — объяснил Орлов. — Экономка Лариса Сорокина уехала по магазинам за продуктами. Дом остался без присмотра, и преступники этим воспользовались.

— И все же я не понимаю, в чем сложность расследования этого преступления, — упорствовал Гуров. — Почему местная полиция не может найти следов? Ведь дом Забелина расположен на охраняемой территории. Там на въезде должен сидеть вахтер, который не пропустит постороннюю машину. Или вахтер тоже входил в банду и исчез вместе с пропавшими сокровищами?

— Нет, вахтер Леонид Бехтерев никуда не исчез, — ответил Орлов. — Его допрашивали очень пристрастно, даже слишком пристрастно, по-моему. Мужик оказался честный, с безупречным прошлым. Он утверждает, что никуда с поста не отлучался, посторонних не пропускал. За указанный временной период через ворота на территорию въехали всего шесть машин. И все они принадлежат жителям этого поселка. Выехали три машины, тоже местные. Все владельцы машин, как въехавших, так и выехавших, допрошены, но их допросы ничего не дали. Таким образом, наши коллеги из райотдела зашли в тупик. Поэтому министр позвонил мне и попросил, чтобы я подключил к расследованию тебя. Теперь для нас дело чести — найти этих грабителей. Ограбление такого масштаба, причем среди бела дня, почти в центре столицы... Позор, если мы не сможем его раскрыть!

— Так на какую сумму наказали этого Игоря Забелина? — спросил Гуров.

— Да, сумма хищения в данном случае тоже важна, — согласился генерал. — По оценкам экспертов, общая стоимость всей коллекции может превышать 400 миллионов рублей. Представляешь? Почти полмиллиарда!

— Значит, мне поручено подключиться к этому делу и провести расследование, — подвел итог этому разговору Гуров. — Но вы сами знаете, товарищ генерал, что подобные

дела не раскрывают в одиночку. Мне нужно будет собрать бригаду. Надо будет перевернуть массу фактов, проверить многих людей...

— Разумеется, можешь взять столько людей, сколько потребуется, — кивнул Орлов. — Бери своего Стаса Крячко, бери людей из наружки, бери криминалистов — всех, кто будет нужен. О подробностях дела тебе расскажет майор Дрыгин из райотдела. Это он начал расследование, но вчера был вынужден признаться министру, что находится в тупике. Надеюсь, что ты в тупике не окажешься, Лев Иванович. С тобой таких казусов еще не случалось.

— Я тоже на это надеюсь, — ответил Гуров.

Глава 2

Когда Гуров позвонил майору Дрыгину, тот предложил встретиться у него в кабинете — дескать, там у него собраны все показания, все данные, все необходимое для введения Гурова в курс дела, будут под рукой, однако Лев Иванович заявил, что предпочел бы встретиться непосредственно на месте совершения преступления.

— Тут, что называется, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — заявил он. — Мне надо видеть эти ворота, ведущие в поселок, сам дом, комнату, где хранились сокровища. Я думаю, для нас с тобой, майор, найдется местечко, где можно будет поговорить, не мешая хозяевам?

— Думаю, что найдется, — ответил Дрыгин. — В особняке три этажа, да еще подвальные помещения. Где-нибудь устроимся.

— А обитатели дома сейчас на месте? — продолжал уточнять сыщик. — А то захочется задать им несколько вопросов...

— Я утром разговаривал с хозяином дома, — проговорил Дрыгин. — Он меня заверил, что до вечера все обитатели дома будут на месте, кроме младшего сына Забелина, Артема, и его жены Ирины — они все еще отдыхают на Кавказе, гуляют по горным тропам. Так что вы, Лев Иванович, сможете задать вопросы любому, кто имеет отношение к этому особняку.

— Хорошо, тогда встретимся прямо там, у ворот этой усадьбы, — заключил Гуров. — Скажем, через сорок минут, это тебя устроит?

— Вполне устроит, Лев Иванович, — сказал оперативник. — Только хочу уточнить: там никаких ворот нет, как нет и забора. Дом окружает невысокая ограда из кустарника, и такая же низкая оградка из кованого железа, через которую можно легко перешагнуть. Есть калитка, но она имеет чисто символический характер. Единственный крупный объект перед домом — это фонтан, окруженный небольшим водоемом. Впрочем, вы скоро сами все увидите. Встретимся у этой калитки.

— Хорошо, встречаемся возле символической калитки, — согласился сыщик.

Гуров отключился от связи с майором и тут же набрал номер телефона Стаса Крячко.

— Ты на месте? — спросил Гуров. — Дела сдал?.. Тогда встретимся возле твоей «ласточки». Отвезешь меня на место преступления.

— Первый выезд на точку? — уточнил Крячко. — Первые зарубки на памяти, и все такое? Первые поручения? Тебя понял. Хорошо, жду тебя в машине.

И уже спустя несколько минут друзья катили по направлению к Рублевскому шоссе.

— И что ты думаешь об этом новом поручении? — спросил Крячко, искоса поглядывая на друга. — Лично я удивляюсь. Как это полиция за сутки не нашла никаких зацепок? Как это грабителей никто не видел? Такого быть не может! Ведь ограбление происходило среди бела дня, в оживленном поселке. Пусть охранник ушами прохлопал машину жуликов, пусть соседи напротив отсутствовали — но кто-то обязательно должен был видеть воров! Ведь они вынесли не только драгоценности, но и картины в рамах! Какие-то амфоры!

— Да, меня тоже удивляют эти жулики, которые действовали точно невидимки, — согласился Гуров. — Прямо чудо какое-то. А в чудеса мы с тобой не верим. А насчет того, что ограбление произошло среди бела дня... А что, если на самом деле оно случилось гораздо раньше? Ночью, например? А ка-

меры грабители нарочно отключили днем, чтобы сбить нас с толку? И мы будем до посинения расспрашивать всех, кто живет в поселке, о периоде с пяти до шести вечера, а в доме в это время никого и не было!

Выслушав эту мысль друга, Крячко только головой pokrutil.

— Умеешь же ты, Лев, повернуть проблему новой стороной! — сказал он. — Мне бы такая мысль в голову не пришла. То есть ты считаешь, что здесь мы столкнулись с очень хорошо организованной группой преступников, которые действовали по заранее разработанной схеме? А стало быть, местные полицейские и правда могли встать в тупик?

— Да, так оно и есть, — отозвался Гуров. — Тут работали не рядовые жулики. Но, как мы с тобой знаем, даже самым гениальным жуликам нужны информаторы, нужны свои агенты в доме, который они хотят ограбить. Вот такого агента нам и надо вычислить. Думаю, надо начинать именно с его выявления.

Пока они так разговаривали, машина мчалась вперед. Знаменитое своими пафосными особняками Рублевское шоссе осталось слева, машина, повинувшись указаниям навигатора, свернула вправо и, миновав еще несколько перелесков и небольших поселков, подъехала к новому поселению, огороженному высокой каменной оградой. Въезд в поселок преграждал полосатый шлагбаум, возле которого виднелась будка охранника. Крячко остановился перед шлагбаумом и погудел клаксоном, требуя дать ему проезд. А когда стало ясно, что охранник не спешит выполнить его требование, Крячко открыл дверь, намереваясь выйти и поговорить с ним.

— Погоди, сиди на месте, — остановил напарника Гуров. — Посмотрим, как он поступит.

— Хорошо, давай посмотрим, — согласился Крячко.

Он снова закрыл дверь, выключил двигатель, погасил фары и даже разлегся на сиденье, показывая, что никуда не спешит. Теперь занервничал охранник — ведь неизвестная машина загоразивала проезд. Он вышел из своей будки, подошел к машине со стороны водителя и строгим голосом спросил:

— Чего хулиганите? Чего тут делаете?

Крячко открыл глаза с недовольным видом, словно его разбудили от долгого сна, немного опустил стекло и произнес:

— А где же «добрый день»? Или хотя бы «здравствуйте»? И что это за «чего тут делаете»? Полвека прожил, а говорить по-русски не научился.

— И в людях по лицу разбираться тоже не научился, — поддержал товарища Гуров.

Он вышел со своей стороны машины, подошел вплотную к охраннику и сунул ему под нос полицейское удостоверение.

— Мы из полиции, как видишь, — продолжал он. — А ты кто такой?

— Я... так я в охране работаю, значит... — залепетал страж ворот. Вся его строгость вмиг исчезла, сменившись угодливостью.

— Это понятно, что в охране, — сказал Крячко. Он тоже вышел из машины и теперь нависал над охранником с другой стороны. — А как тебя зовут, работник охраны?

— Владимиром зовут... — ответил сторож. — Владимир Суворин...

— А скажи, Владимир Суворин, сколько машин здесь проехало за последний час? — спросил Гуров. — Можешь ты нам это сказать?

— Могу, конечно, — сказал охранник. — То ли пять, то ли шесть. А может, семь...

— А вот твой напарник, который во вторник дежурил, уверенно заявил, сколько машин за час в поселок въехали, сколько выехали, — заметил Крячко. — Называл точную цифру. Почему же ты не можешь назвать, Владимир Суворин?

— Не знаю... Может, Лёня это просто так сказал, для красного словца... — пробормотал охранник. — А может, он на бумажке специально помечал. А мне зачем помечать? Нам, главное, выполнять приказ начальства — посторонних не пускать.

— Значит, посторонних вы не пускаете? — спросил Гуров.

— Нет, только те машины, хозяева которых здесь живут.

— А если к кому-то гости приедут? Их, значит, тоже не пустят?

— Если хозяин не предупредит — не пустим. Он должен нас заранее предупредить. Позвонить, или сам подойти...

— И часто так предупреждают?
— Под выходные — часто. А в обычные дни редко.
— А этот Лёня, который вчера дежурил, когда снова на пост заступит?

— Мы дежурим сутки через двое, — объяснил вахтер. — Если он во вторник работал, значит, снова выйдет в пятницу.

— Нет, пятница меня не устроит, — решительно заявил Гуров. — Давай, Володя, звони своему напарнику Лёне, пусть сегодня же подойдет. Мне нужно, чтобы он через час здесь был, я хочу с ним побеседовать. Если твоего звонка мало — подключи свое начальство. Но чтобы охранник был на месте сегодня же. Ясно? Если ясно, можешь возвращаться к работе, поднять шлагбаум. А то заболтались мы здесь с тобой, вон уже очередь выстроилась...

Действительно, пока они разговаривали с охранником, к воротам с каждой стороны успели подъехать по машине. Охранник поспешил поднять шлагбаум, и оперативники въехали на территорию поселка. Здесь все радовало глаз: цветники, ухоженные газоны, аккуратные домики с обеих сторон улицы.

Следуя указаниям навигатора, Крячко повернул налево, потом направо и остановил машину возле трехэтажного особняка. Дрыгин сказал правду: никакого забора вокруг особняка не было. Имелась лишь низенькая полоска кустарника, листья которого сейчас, в сентябре, окрасились в алый цвет. Перед парадным входом в дом виднелся небольшой бассейн, а в центре — фонтан. Не успели оперативники выйти, как дверь особняка открылась, и на дорожке показался человек лет сорока, одетый в гражданку, но, судя по выправке, он был полицейским.

— Ага, вот и Лев Иванович! — сказал он. — А вы, стало быть, полковник Крячко? Здравия желаю. А я майор Дрыгин, Виктор Викторович. С чего хотите начать? Хотите, чтобы я вам изложил всю информацию, которую мы успели собрать? Или желаете сначала пройти по дому, увидеть ту самую комнату с драгоценностями? Или хотите поговорить с кем-то из здесь живущих?

— А можно все сразу? — отозвался Гуров. — Ладно, я шучу. Самую основную информацию мне генерал дал. Мне

вот что осталось непонятным: почему в доме в течение часа никого не было?

— Хозяева, как вы, наверное, знаете, разъехались, — принялся объяснять Дрыгин. — За домом должны были следить слуги: водитель, он же охранник Сергей Кожемякин, гувернантка Валерия Терехина и экономка Лариса Сорокина. Однако водитель, еще до отъезда Забелиных в Грецию, отпросился у хозяина на два дня — копать картошку в огороде у родителей, под Александровом. Вернулся он в дом, как и обещал, сегодня утром.

— Ну а женщины?

— Экономка уехала за продуктами, а гувернантка, сидевшая с маленьким Никитой, внуком Забелина, вышла с ребенком погулять.

— Экономка водит машину?

— Да, она ездит на хозяйском «Рено».

— Современная экономка, — похвалил Гуров. — А где гувернантка гуляет с ребенком?

— Здесь в поселке есть детская площадка. Даже две площадки, но гувернантка с маленьким Никитой ходит на ту, что поближе. Как она мне объяснила, там и зелени больше, и всяких аттракционов — горок, спусков, каруселей, конструкций детских площадок.

— Понятно. И все же непонятно другое: почему экономка выбрала для своей поездки то же самое время, когда гувернантка пошла гулять? Ведь прогулка не весь день длится, верно?

— Нет, конечно, не весь день, — согласился майор. — Гувернантка сообщила, что продолжительность обычной прогулки — два часа. Они с Никитой гуляли с четырех до шести.

— Прекрасно. Но отчего же экономка не поехала по магазинам в три? Или в шесть? Тут что-то не вяжется. Кстати, как у них вчера прошла прогулка — ведь вчера большую часть дня, если мне память не изменяет, шел дождь? — Гуров повернулся к своему напарнику. — Ну-ка, Стас, открой вечерашние сведения по погоде, — приказал он. — Причем не по всей Москве, а только по этому району. Какая была погода с четырех до шести вечера?

— Тебя интересует, был ли дождь? — уточнил Крячко.

— Меня интересуют все сведения о погоде, — ответил Гуров. — Дождь, ветер, температурный режим. И еще сходи взгляни на эту площадку, о которой идет речь. Есть ли там навес или какой-то павильон, чтобы укрыться от дождя в случае непогоды? В какой стороне этот приют детства, майор?

— Честно сказать, не знаю, — признался Дрыгин. — Я как-то не интересовался...

— А зря, — сказал Гуров. — Ладно, Стас, я в тебя верю, ты найдешь этот таинственный объект. Давай, ноги в руки, и вперед.

Крячко отправился на поиски площадки. На ходу он достал из кармана телефон, чтобы раздобыть требуемую информацию о погоде. А Гуров снова повернулся к Дрыгину.

— Что ж, майор, теперь я знаю, с кем хочу поговорить в первую очередь, — сказал он. — Сначала мне нужно побеседовать с экономкой, а затем — с гувернанткой. Это даже важнее осмотра хранилища, откуда были похищены сокровища. И беседы эти должны пройти в отдельной комнате, где бы нам никто не помешал. Есть здесь такое помещение?

— Да, я уже спрашивал Забелина, — ответил майор. — Он сказал, что на втором этаже есть две гостевые комнаты, они пустуют. Мы можем занять одну из них.

— Хорошо, идем, — согласился сыщик.

Они поднялись по ступенькам, открыли дверь и оказались в просторном, но при этом по-домашнему уютном холле. Первое, что здесь бросалось в глаза, — это обилие цветов. Они висели в кашпо на стенах, стояли в вазах возле диванов. Впрочем, оперативники не стали задерживаться в холле, а сразу направились к лестнице, ведущей на второй этаж. Однако возле лестницы Гуров вдруг задержался.

— Я вроде слышу голос ребенка? — негромко обратился он к Дрыгину.

— Да, это из детской доносится, — ответил майор. — Детская вон там, за той дверью. Наверно, гувернантка Лера занимается с маленьким Никитой. Да, кажется, они какую-то сказку читают.

— Ага, гувернантка занимается с ребенком... — кивнул Гуров. — Это хорошо... Ладно, пошли дальше.

Они поднялись на второй этаж и вступили в коридор, который вел к комнатам. Но тут оперативников остановили.

— Минуточку! — сказал Гуров, услышав чей-то голос.

Обернувшись, он увидел мужчину среднего роста, лет шестидесяти, на вид физически крепкого. Он подошел к сыщику и произнес:

— Я Забелин, хозяин этого дома. Игорь Рудольфович. А вы, я полагаю, известный сыщик Лев Иванович Гуров?

— Да, это я, — сказал полицейский.

— Я хотел вам сказать пару слов, — продолжал хозяин. — Пару слов наедине. Вы не возражаете?

— Можно и наедине, — согласился Гуров. — Если это на пользу следствию. Хотя у меня нет тайн от моих напарников.

— Ничего, господин майор может вас пока подождать в той комнате, которую я вам выделил для работы, — сказал Забелин.

И он повел сыщика еще выше, на третий этаж. Помещение, куда они вошли, было кабинетом. Здесь стоял большой письменный стол, рядом удобные глубокие кресла, два дивана; стены были уставлены книжными шкапами. Хозяин предложил гостю одно из кресел, сам сел напротив и заговорил:

— Я вас надолго не задержу. Просто я хотел объяснить вам, насколько важно для меня найти украденные вещи. Я хочу раскрыть это дело по двум причинам. Не из-за стоимости украденных сокровищ, нет. Хотя сумма, конечно, огромная, но для меня все же не критичная. Я хочу вернуть сами сокровища, потому что вложил в их приобретение много душевных сил. Особенно в картины! Можно считать это причудой миллионера или простым увлечением, но для меня коллекция не просто увлечение, поверьте! Эти вещи дороги мне, как... ну, как бывают дороги близкие люди. Вся моя жизнь в этих картинах, в этих раритетах! Я не знаю, что я буду делать, оставшись без моих картин, моих древностей... Кроме того, кража бросает тень на всех людей, живущих в этом доме. Я начинаю видеть в каждом если не грабителя, то пособника грабителей. Это относится... даже к самым близким мне

людям. А ведь у нас крепкая, дружная семья. Я привык с доверием относиться к своим домашним — причем не только к жене, сыну и невестке, но и к прислуге. Поэтому я готов не пожалеть никаких средств, чтобы помочь скорейшему раскрытию этого преступления. Нет, я не предлагаю вам вознаграждение — я слышал о вас и знаю, что такое предложение вы отвергнете. Но я хочу предложить вознаграждение, скажем, в пять миллионов рублей для лиц, которые помогут следствию. Это могут быть участники следственной группы или люди, которые дадут вам информацию за деньги. Я надеюсь, что такое вознаграждение поможет вам в работе. Понимаете?

— Что ж, вы можете предложить вознаграждение людям, которые дадут информацию, — ответил Гуров. — Это допускается. Вы можете даже сообщить о своем решении официально, поставив в известность Главк. Но к следственной группе эти деньги никакого отношения иметь не могут. Вознаграждение выплачиваете вы, и только вы. Наша беседа с вами, конечно, не закончена. Мне еще нужно будет с вами подробно поговорить обо всем, что касается хранения сокровищ, а также о людях, живущих в этом доме. А теперь я, с вашего разрешения, вернусь к работе.

С этими словами сыщик вышел из кабинета и спустился в гостевую комнату, где его ждал майор Дрыгин.

Глава 3

Когда оперативники расположились в выделенной им комнате, Гуров попросил майора пригласить для допроса экономку Ларису Сорокину. Дрыгин вышел и спустя несколько минут вернулся вместе с женщиной лет сорока, миловидной, с голубыми глазами и светлыми волосами, тщательно уложенными.

— Садитесь вот сюда, — предложил ей Гуров. — Как вас зовут?

— Лариса я, а если полностью, то Сорокина Лариса Ивановна, — назвалась женщина.

— Вы работаете здесь экономкой?

— Да, а еще поваром. В мои обязанности входит вести все хозяйство: закупать продукты, готовить, менять постельное белье, стирать, гладить, покупать все, что нужно для повседневной жизни.

— Вы давно работаете у Забелиных?

— Четыре года.

— А до этого где работали?

— У Шашковых Павла Ильича и Надежды Карловны. Вы, наверно, слышали о Шашковых? Известные люди, очень состоятельные. Я бы и дальше у них оставалась, но они в Италию уехали, на постоянное жительство, вот мне и пришлось искать новое место.

— Сколько вы получаете?

Женщина нахмурилась.

— Вообще-то мы с хозяином договорились не разглашать...

— Ну, так я его спрошу. Думаю, он разгласит. Говорите: сколько?

— Девяносто в месяц. И еще раз в квартал доплата, а еще к праздникам бывают премиальные.

— У вас большая семья?

Женщина растерялась.

— Ну, как большая... Муж Игорь, два сына... Но оба уже взрослые, одному 24 года, другому — 18. Старший, Петр, женат, и у него двое детей, так что я уже бабушка.

— Где они живут, в Москве?

— Мы с мужем и с Аркадием, младшим сыном, в Москве, в районе Капотни, а Петр — во Фрязино.

— Младшему сыну, как я понимаю, в этом году идти в армию?

— Нет, зачем же ему в армию? — возразила Лариса, и губы ее решительно сжались. — Он в институт поступил, на юриста будет учиться.

— На платной основе, я думаю?

— Ну да, на коммерческой основе, — согласилась экономка. — Да разве на бюджет сейчас поступишь? Туда только блатных берут. Так что придется платить. Но зато сын специальность получит. Может быть, где-нибудь у вас работать будет, в полиции, или в следственных органах.

— Где работает муж?
— Игорь у меня слесарь. Опытный слесарь, со стажем. Но... так получилось, что сейчас он не работает. В его фирме прошли сокращения, и его уволили. Сами знаете — сейчас сокращения везде идут, то одного уволят, то другого...

— Давно уволили мужа?

— Еще в прошлом году, в мае.

— А старший сын? Он где работает?

— Он упаковщик на оптовом складе, — сказала женщина.

— Во сколько вы вчера уехали за покупками?

— Как обычно, в пять часов. Я всегда в это время уезжаю. То есть это второй мой выезд. Я еще утром езжу, в десять часов. Потому что только утром бывает свежее молоко, другие продукты. А вечером я покупаю муку, мясо, алкоголь, другие вещи. Я...

— А во сколько вы вернулись?

— Тоже как обычно — в шесть. Ну, может, чуть позже, скажем, в шесть с минутами.

— А если еще точнее?

— Я вас не понимаю...

— Сейчас объясню. Когда вы приехали из магазина, дом все еще стоял пустой?

— Нет, в нем уже Игорь Рудольфович был, и Юлия Владимировна тоже...

Выговорив эти слова, экономка прикусила губу. Видимо, она поняла, где именно оперативник поймал ее на лжи. И Гуров немедленно это подтвердил.

— Когда вы уезжали, дом, по вашим словам, был пустой, — сказал он. — А когда вернулись, там уже находились хозяева... которые обнаружили пропажу вещей. А они вернулись в шесть двадцать. Значит, вы вернулись не ранее шести тридцати. Заговорились, наверное, во время визита в магазин...

— С кем это я могла заговориться? — делано изумилась Лариса. — Не с кем мне было разговаривать.

— Сейчас я объясню с кем, — пообещал Гуров. — Итак, мы остановились на том, что вы уезжали из пустого дома. Но разве он был пустой? Разве дома не оставалась гувернантка с ребенком?

— Ой, это я оговорилась, что дом был пустой, — поспешно согласилась Лариса Сорокина. Она стала заметно волноваться, лицо ее покраснело. — Тут еще про Сергея нужно сказать. Понимаете, дома должен был остаться Сергей, наш водитель. Но он отпросился у Игоря Рудольфовича, ему нужно было съездить в Александров, отцу с картошкой помочь. Так что дома оставалась Лера, наша гувернантка, она сидела с Никитой. Но они вскоре собирались идти гулять.

— Значит, когда вы уходили, дом все же был не пустой, тут вы говорите неточно. Но вскоре он должен был опустеть. И вы уехали, зная, что вскоре дома никого не останется. А разве вы не могли отложить вашу поездку на один час? Или, наоборот, съездить на час, на два раньше?

— Но я же говорила: я всегда езжу в это время...

— Да, когда ситуация обычная. Но вчера она не была обычной. Разве вы не могли перенести поездку?

— Да, наверно, могла, но я как-то не сообразила.

— Не сообразили, что дом, в котором хранятся огромные сокровища, остается без присмотра? Вот скажите: если бы вы вчера спросили вашего хозяина Забелина, можно ли вам отлучиться, когда дома никого нет, — он бы вам разрешил?

— Ну, я не знаю... И потом, они же в Греции были. Как я им позвоню? Это дорого.

— Дорого? Скажите: сколько вам выделяет Забелин на расходы?

— Обычно это двадцать пять тысяч в неделю. Если мы не готовимся к приему гостей, и...

— Эти деньги перечисляются на специальную банковскую карту?

— Да, но я не понимаю...

— Все вы понимаете, Лариса Ивановна. Расходы с банковской карты можно проверить, и это сделать просто. Конечно, часть сумм нужно обналечивать — ведь в мелких торговых точках нет терминалов. Но если внимательно следить за расходами, можно установить, куда уходят обналеченные суммы. Однако ни Забелин, ни его жена этого не делали. Ведь верно — не делали?

— Я не понимаю...

— Опять вы эту песню завели! Знаете, почему вы вчера поехали в то же время, в какое это делали обычно, хотя знали, что дом будет стоять пустой? Потому что вам нужно было с кем-то встретиться в назначенное время. Скорее всего, со старшим сыном или с его женой. Вы каждую неделю передавали им деньги, которые снимали с продуктовой карты. Думаю, это было тысяч пять-восемь. Вряд ли десять. Хотя... Можно ведь покупать мясо непосредственно у поставщика, и сортом пониже, и платить в два раза меньше. Так можно и десять с двадцати пяти тысяч сэкономить. Без этой вашей подпитки семья вашего сына Петра не прожила бы. Ну, что: мне вызвать вашего сына в полицию на допрос, или вы и так все скажете?

Красивое лицо экономки исказилось, оно выразило ужас.

— Нет, не надо Петю вызывать, прошу! — воскликнула она. — Он и не знает ничего! Я деньги не ему, а невестке Анжеле отдавала. Ведь мальчишек и покормить надо, и одеть, и за садик нужно платить... А он на своем складе всего двадцать тысяч получает...

— То есть меньше, чем вам выдают в неделю на продукты, — заключил Гуров. — И меньше, чем вы передавали вашей невестке для нужд сына и его семьи. Так, тут все ясно. Теперь следующий вопрос: кому вы продали информацию о том, что вчера с пяти до шести в доме никого не будет?

Лариса Сорокина вскочила с кресла, прижала руки к груди.

— Богом клянусь! — воскликнула она. — Не продавала я ничего! Никому ничего не сообщала! Ушла, когда нельзя было, — это правда. Знала, что нельзя уходить, что дом пустой, но Анжела ждала возле «Пятерочки», у нас там место оговоренное... Мой грех! И я за него готова ответить. Пусть меня уволят, пусть! Хотя место, конечно, жалко, место хорошее... Но я никому ничего не сообщала! Как хотите проверяйте. Вон Леру допросите или Сергея... Я когда об ограблении узнала, это для меня был настоящий шок!

— Обязательно допросим и гувернантку, и водителя, — пообещал Гуров. — А с вами... К вам у меня остался еще один вопрос. Когда вы вчера вернулись из поездки, Лера была дома?

— Нет, никого не было, — покачала головой экономка. — Я еще удивилась — что это они так поздно гуляют?

— И когда вернулась гувернантка с ребенком?

— Примерно спустя час после моего возвращения. В половине восьмого приблизительно.

— И как гувернантка объяснила такое долгое отсутствие?

— Сказала, что они в какой-то детский клуб заходили. Дескать, ей нужно было узнать у них про какую-то новую игру для Никиты. Она с ребенком постоянно какие-то новые игры придумывает, целые представления разыгрывает.

— Понятно... — протянул Гуров. — Ладно, с вами все ясно. Можете возвращаться к своим обязанностям. Если выяснится, что вы и правда не причастны к ограблению, я даже не стану говорить Забелину о ваших «банковских операциях». Если вы дадите мне честное слово, что больше не будете воровать деньги.

— Клянусь! — воскликнула экономка и сделала попытку встать перед сыщиком на колени. Однако он быстро пресек эту попытку, развернул женщину за плечи и подтолкнул к двери. И спустя минуту они с майором снова остались в кабинете одни.

— Ну вот, одна тайна этого дома разъяснилась, — сказал Гуров, пройдясь по кабинету. — Правда, эта тайна нашей экономки, кажется, не имеет отношения к нашему расследованию. Хотя, возможно, какое-то отношение все же имеет.

— Я просто поражен, Лев Иванович, как вы раскрыли этот секрет, — произнес майор Дрыгин. — Ведь ничто не указывало, что Лариса ворует деньги у хозяев. Такая милая, ухоженная женщина... Как вы догадались?

— Опыт, Виктор Викторович, большой опыт плюс немного интуиции, — ответил Гуров. — Я много раз имел дело с преступлениями, совершенными в богатых домах, и знаю нравы их обитателей. И ведь должно было иметься какое-то объяснение — почему экономка покинула дом, когда в нем никого не оставалось? Ведь она могла отложить свой визит в магазины. Небось обитатели дома не умерли бы с голода. Напрашивается вывод, что она не могла отложить выход из дома, потому что у нее была назначена встреча с кем-то... А дальше только оставалось сложить два и два, и получалась

полная картина мошенничества Ларисы. Ладно, с этим обитателем дома мы разобрались. Теперь мне нужна гувернантка Валерия Терехина. Сможешь ее пригласить?

— Сию минуту приведу, — отозвался майор. — Надо только будет решить, с кем ребенок побудет.

И он вышел из кабинета. Оставшись один, Гуров открыл блокнот и занес туда основные факты, полученные от экономки. Он еще не успел закончить эту работу, как дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Дрыгин. Вид у него был взволнованный.

— Гувернантка пропала! — объявил майор. — Ребенок сидит в детской один и смотрит мультики. Мне он заявил, что «тетя Валерия сказала, что скоро придет». Я спросил у нашей знакомой Ларисы, спросил у хозяина — никто не видел, как гувернантка уходила, с работы она не отпрашивалась.

Тут дверь кабинета снова открылась, и вошел Стас Крячко.

— Могу сообщить результаты своей проверки, — сказал он. — Вряд ли гувернантка вчера могла гулять с ребенком: метеорологи сообщают, что вчера вечером в этом районе с пяти до половины шестого шел дождь. На детской площадке есть небольшой навес, но сидеть там долго под дождем ребенок точно не захочет. Я поговорил с мамашами, которые сейчас гуляют на площадке. Одна из них вчера вышла было на улицу со своей дочкой около пяти часов. Они дошли до площадки, обнаружили, что на ней никого нет и везде лужи. И повернули домой. Так что рассказ гувернантки Забелиной вызывает сомнения. Не знаю, где она была, но на площадке с ребенком она точно не гуляла.

— Уже не вызывает сомнений, — откликнулся Гуров. — Никаких сомнений относительно Валерии Терехиной уже нет: насчет вчерашнего дня она врет. А сейчас она попросту сбежала. — Он повернулся к Дрыгину и приказал: — Давай, майор, звони во все полицейские службы, объявляй гражданку Терехину в розыск. Пусть патрульная машина поедет к ней домой. Но я думаю, что дома мы ее не найдем. Если ее обнаружат, пусть доставят сюда. Я хочу лично ее допросить. Возможно, после ее допроса кое-что разъяснится.

Майор взялся за телефон и начал звонить в полицейские службы, передавая данные гувернантки Валерии Терехиной

и требуя срочно организовать ее поиск и задержание. А Крячко обратился к своему шефу с предложением.

— А может, нам стоит вернуться в Главк? — спросил он. — Если гувернантка сбежала и тем самым выдала себя, значит, она и была наводчицей грабителей. Чего ее сюда везти? Сразу в Главке допросить, вытрясти из нее имена сообщников — и вперед, их задерживать. Глядишь, к ночи ограбление будет раскрыто. Может, и сокровища найдем.

— Нет, пока что я отсюда уезжать не собираюсь, — заявил Гуров. — Видишь ли, друг мой Стас, тот факт, что гувернантка врала и сбежала, еще не означает, что она в сговоре с преступниками. Тут легко ошибиться и пойти по ложному следу. Вот экономка Лариса Сорокина тоже систематически обманывала и обворовывала хозяев, но при этом вряд ли была в сговоре с преступниками, ограбившими «комнату сокровищ». Поэтому надо продолжать расследование, проверить возникшие версии. И вот тебе новое задание: пройди по поселку, поговори с людьми. Майор и его подчиненные пока что не нашли свидетелей вчерашнего ограбления. Не нашли ни одного человека, который видел бы грабителей. Но так не может быть! Не все же жители поселка уехали в Грецию, или на Кипр, или на работу. Наверняка кто-то должен оставаться дома. Если не хозяева, то их обслуга. Иди, Стас, и ищи свидетелей. А я пока займусь осмотром дома.

Но тут в дверь заглянул хозяин дома Игорь Забелин и сообщил:

— Лев Иванович, вас тут спрашивает один человек, наш охранник. Он говорит, что вы ему велели явиться. Вот он и явился.

— Хорошо, пусть войдет, — сказал Гуров. — Осмотром дома я займусь позже. А пока поговорю со стражем ворот.

Глава 4

Хозяин исчез, Стас Крячко вышел вместе с ним, а в кабинет вошел человек лет шестидесяти, с большими залысинами.

— Меня Леонидом зовут, Леонид Бехтерев, — сказал он. — Это я, значит, вчера дежурил весь день. Мне Воло-

дя Суворин, мой напарник, сказал, что вы меня хотели видеть...

— Да, хотел, — сказал Гуров. — Давай, Лёня, садись вот сюда и расскажи, что ты видел вчера во время дежурства.

— Да ничего особенного я не видел, — ответил охранник, заметно волнуясь. — Одни машины въезжали, другие выезжали. Все были свои, посторонних никого не было. Даже гости ни к кому вчера не приезжали.

— Значит, прямо-таки совсем никого из чужих не было? — спросил сыщик.

— Нет, я, наверно, неточно выразился, — заторопился охранник. — Я, когда сказал «посторонних не было», имел в виду машины. Тех, для кого шлагбаум надо поднимать. А тех, кто через калитку идет, тех мы не считаем. У нас тут пропускного режима нет.

— Значит, на территорию поселка может войти любой желающий?

— Нет, так тоже неправильно будет сказать. Если я вижу бомжа — ну, их сразу отличить можно — или пьяного, то я такого человека, конечно, не пропущу. Или если компания подростков, шумная такая, развязная, из чужих — таких ребят я тоже не пушу. А прочие могут проходить.

— И кто же эти прочие? Кто тут пешком ходит? Ведь жители поселка в основном приезжают и уезжают на машинах.

— Да, местные, они чаще на машинах ездят, — согласился охранник. — Но бывает, что и местный житель пешком идет. Например, ему хочется погулять. Тут недалеко роща есть, так некоторые туда гулять ходят. А из посторонних частые гости — это доставщики.

— Это которые продукты доставляют?

— В основном продукты. Но и другие заказы привозят. Их за день десятка два проезжает.

— Проезжают? Значит, все же не пешком?

— Я имею в виду — на велосипедах приезжают. Иногда на самокатах электрических. С недавних пор и такая мода появилась.

— На самокатах... — задумчиво произнес Гуров. — Это интересно. Но ведь на самокате или на велосипеде греческую

амфору не вывезешь, верно? Или картину в раме? Тут все же нужна машина или, на худой конец, мотоцикл. Может, мотоциклы проезжали, а ты их не учел, Леонид?

— Нет, мотоциклов не было, за это я ручаюсь, — настаивал охранник.

— Давай тогда вот как поступим, — предложил сыщик. — Ты будешь вспоминать всё, что проходило, проезжало или даже проползало мимо твоей будки за вчерашний день: машины, велосипеды, самокаты, пешеходы, девушки на роликах, парни на роликовых лыжах... Вспоминай всех. Твой напарник Владимир сказал, что у тебя отличная память. Значит, ты никого не должен забыть. Вспоминай и говори: «Машина, еще машина... Человек, еще человек... Велосипед...» И так до конца твоей смены. Вперед!

Подчиняясь команде сыщика, охранник сосредоточился, устался куда-то в угол комнаты и принялся бормотать:

— Машина Скорикова — это раз... потом парень из двадцать седьмого дома, с девчонкой из третьего... потом доставщик... — Это мерное бормотание продолжалось пять минут, десять... И вдруг Леонид Бехтерев умолк, выпрямился в кресле и устался на Гурова. — А ведь и правда была еще одна машина! — воскликнул он. — Я про нее и не подумал! Потому что она как бы и не машина вовсе...

— Ну-ка, ну-ка, давай, изложи, что ты имеешь в виду! — воскликнул Гуров. — Что за машина?

— Продуктовая машина, она продукты в наш магазин возит, — объяснил охранник. — У нас тут торговых точек нету, всего один магазин. И туда раза два-три в неделю завозят продукты. Так вот вчера их машина и проезжала. И проезжала она... сейчас скажу... заехала она около пяти часов, а уехала минут через сорок.

— Сорок минут на разгрузку продуктов? — удивился сыщик. — Что они там — по одной макаронине из пачки вынимали и в магазин заносили?

— Да, я сейчас и сам понимаю, что долго очень, — согласился Бехтерев. — Но вчера я как-то про это не подумал. Просто открыл шлагбаум, и машина проехала. Сначала туда, а потом обратно...

— А это точно была машина вашего магазина? Ты ее номер помнишь?

— Нет, на номер не обратил внимания, — признался охранник. — Но в остальном точно она: такой фургон, окрашенный в коричневый цвет, и на нем бутылка молока нарисована и батон колбасы. И надпись по боку идет: «Продукты».

— А водитель? Водителя машины ты должен был запомнить.

— Водитель... — пробормотал вахтер. — Сейчас... А ведь верно: водитель вчера был какой-то другой. Не тот, что всегда ездит... И что-то у него с лицом было странное... Я только сейчас это сообразил.

— Что было не так с лицом?

— Оно было какое-то неестественно белое... Похожее на маску. Пожалуй, это и была маска...

— Очень интересно. А номер машины ты точно не запомнил? Хоть одну букву или цифру?

— Номер? Сейчас, сейчас... — забормотал Бехтерев. От напряжения, стараясь вспомнить номер машины, он даже закрыл глаза. — Да! Вот что: там была пятерка в номере! А еще, кажется, буква «В». Но в этом я уже не так уверен...

— Ладно, хватит того, что вспомнил, — сказал Гуров. — Можешь пока возвращаться домой, Лёня. Скажи мне только, где находится этот ваш магазин? В какую сторону идти?

— Как выйдете из дома, идите налево, а потом на перекрестке — направо, — объяснил охранник. — Только время уже позднее, как бы магазин уже не закрылся.

— Посмотрим, посмотрим, — пробормотал Гуров и, не обращая больше внимания на охранника Лёню, вышел из дома.

«Вот мы и разгадали секрет машины, которую никто не видел, — размышлял он на ходу. — Старый, проверенный прием! Никто не замечает предмет, который видит изо дня в день, привычный, как закат солнца. Или человека, которого тоже видит каждый день. Например, люди зачастую не замечают дворников или почтальонов. Их как бы нет... И ведь не только Бехтерев видел продуктовую машину, которая слиш-

ком долго была в поселке. Ручаюсь: соседи Забелиных тоже видели эту машину, но, как и охранник, не обратили на нее внимания. Да, грабители взяли машину из продуктового магазина, выкинули водителя, посадили взамен его своего человека — и все, никто не обратил на нее внимания. Да, эти грабители — не простые гопники, люди с головой».

Размышляя таким образом, сыщик свернул за угол и увидел дверь магазина. Возле нее как раз стояла женщина, которая опускала жалюзи. Было ясно, что рабочий день у нее уже закончился.

— Скажите... — обратился к ней Гуров.

— Сегодня уже ничего не продам! — отрезала женщина. — Седьмой час уже, а мы до шести работаем!

— А мне ничего и не нужно, — сказал сыщик. — Ничего, кроме информации. И ее вы мне дадите. Гляньте-ка вот сюда.

И он продемонстрировал труженице прилавка свое удостоверение. Выражение лица у женщины сразу изменилось, оно стало приветливым.

— Скажите, в котором часу вчера к вам приезжала машина с продуктами? — спросил Гуров.

— Наша машина? — уточнила женщина. — Да она вчера вовсе не приезжала. Она по вторникам не приезжает. Она сегодня должна была приехать, да что-то ее не было. Вечером буду Мурату звонить, спрошу, может, случилось что.

— Мурат — ваш водитель?

— Нет, он не наш, он сам по себе. У нас с ним заключен договор, и он привозит с разных оптовок продукты, что мы заказываем. Он, кроме нас, еще пять или шесть точек обслуживает. К нам он приезжает четыре раза в неделю: в понедельник, среду, пятницу и субботу. Вот сегодня должен был приехать, но его не было.

— Номер машины помните?

— Нет, вот так, по памяти, я его не назову. Надо договор посмотреть. Там все данные Мурата записаны.

— Что ж, придется вам вернуться в магазин, — сказал Гуров. — Эти данные мне срочно нужны.

Хозяйка не стала возражать, и спустя пару минут они вошли в маленький кабинет хозяйки магазина. Женщина выну-

ла из сейфа кипу договоров, положила их на стол и, отыскав нужный, протянула сыщику. Гуров взглянул на документ. В нем сообщалось, что Мурат Ганиев, владелец машины «Лада Ларгус» с таким-то номером, обязуется... и дальше перечислялись взаимные обязательства водителя и владельца магазина.

— Я вижу, у вас тут ксерокс стоит, — сказал Гуров. — Отксерокопируйте мне копию этого договора. А я пока позвоню...

Сыщик набрал номер центральной диспетчерской ГАИ и продиктовал номер машины, которая обслуживала магазин.

— Проверьте, где, на каких камерах эта машина с этим номером мелькала в последний раз, — распорядился сыщик. — Передвигалась ли она сегодня по городу? Да, мне эти сведения нужны как можно скорее. Да, моя заявка идет вне всякой очереди. Жду.

После этого он еще раз позвонил, на этот раз в родной Главк, и попросил найти данные на гражданина Ганиева Мурата Рашидовича. В частности, сыщика интересовал адрес данного гражданина. Гуров попросил не только установить адрес Ганиева, но и выслать по нему наряд, чтобы проверить, дома ли находится владелец продуктовой машины. И о результатах проверки доложить ему, Гурову.

Пока он звонил, хозяйка магазина сделала копию договора. С этой бумагой в руках сыщик покинул магазин и направился назад, к дому Забелина. Здесь он обнаружил, что ворота гаража, которые до этого были закрытыми, теперь оказались поднятыми. Можно было увидеть, что в гараже стоят три машины и есть место для четвертой. У одной из машин был поднят капот, и над мотором колдовал, что-то поправляя, человек в спецовке. Гуров направился к нему.

— Добрый вечер, — сказал он.

Водитель выпрямился и настороженно взглянул на сыщика. Это был невысокий плотный человек лет сорока.

— Допустим, добрый, — ответил он не слишком приветливо. — А вы кто такой?

— Я полковник полиции Гуров, — представился сыщик. — Расследую ограбление этого дома, ищу преступников. Ты их тут случайно не видел?

Лицо водителя-охранника выразило сложную гамму чувств. Он явно не понимал, как следует относиться к словам сыщика. Потом все же решил оценить их как шутку, сказанную важным человеком, приглашающим к разговору. Тогда он усмехнулся и ответил:

— К сожалению, не видел, господин полковник. А мне Игорь Рудольфович про вас говорил, что вы тут расследуете. И про несчастье наше сказал. Мне так перед ним неудобно, перед Игорем Рудольфовичем! И надо же мне было в это время уехать! Был бы я дома, ничего бы, наверно, и не случилось...

— Ну, это как сказать, — заметил Гуров. — А скажи мне, Сергей, — тебя ведь Сергеем зовут? — кто знал о твоём отъезде из Москвы? Кому ты об этом говорил?

— Как «кто знал»? — удивился водитель. — Все знали. Игорь Рудольфович, понятное дело, и Юлия Владимировна. Потом Лариса, экономка, гувернантка Лера... Ну, у меня в семье, конечно, знали: жена, дочь, сын... И отец мой, который в Александрове живет, тоже знал, ясное дело.

— Ты давно вернулся?

— Да всего пару часов как приехал, — сказал водитель. — По дороге колесо спустило, пришлось менять, поэтому немного задержался. А то я рассчитывал к обеду приехать.

— Значит, за пределами дома Забелиных и твоей семьи никто не знал, что тебя здесь вчера не будет?

— Ну да. Семья, и еще отец...

— А друзьям, знакомым ты не говорил?

— Друзьям? — водитель ненадолго задумался. — Нет, кажется, не говорил. Не помню такого.

— А почему ты не назвал младшего Забелина, Артема? И его жену? Они что, не знали о твоём отъезде?

Сергей Кожемякин пожал плечами:

— А зачем им знать? Артем и его жена Ирина здесь живут, конечно. Но в домашние дела они не вмешиваются. Они в мои дела не лезут, я в их. И потом — они ведь раньше Игоря Рудольфовича уехали, почти две недели назад. Так что они о моем отъезде ничего не знали.

Водитель высказал эту тираду спокойным, даже небрежным тоном. Тем не менее Гурову в его словах почудилась

фальшь. Правда, в чем эта фальшь, он бы сразу сказать не смог.

— Ты ведь здесь работаешь не только водителем, но и охранником, верно? — спросил сыщик.

— Верно, я охранник с лицензией.

— Значит, имеешь право на ношение оружия?

— Да, у меня есть пистолет, травматика, и есть огнестрел, «люгер». Все документы оформлены, как положено. Если хотите, могу показать.

— Пока не нужно. А когда ты выполняешь роль охранника — когда возишь хозяина?

— Да, когда вожу. Допустим, он едет в аэропорт или возвращается...

— А когда Забелин вчера возвращался из Греции, кто его охранял?

— Кто же его мог охранять? Он ведь на такси ехал.

— Вот меня и интересует — как так получилось, что твой хозяин остался не только без охраны, но даже без машины, — сказал Гуров. — Неужели ваша с родителем картошка не могла подождать пару дней? Мне кажется, некоторые хозяева еще и сегодня не начали ее копать. Почему же у вас такая спешка?

Лицо водителя покрылось мелкими каплями пота.

— Ну... — промямлил он, — отец меня очень просил...

— Неужели? А давай я у него самого спрошу. Съезжу в Александров и спрошу. Тут езды-то — всего ничего, за день обернуться можно. Так что — съездить? Может, там мне какую другую причину, по какой ты уехал из особняка Забелиных, скажут?

— Нет, не надо... не надо ехать, — выдавил из себя водитель. — Там это... еще и свадьба была... Племянница моя, дочь старшей сестры, замуж выходила... Ну, я ей подарок отвез...

— Ага, вот она, настоящая причина! — заметил сыщик. — Ты же у нас богатый сынок, Сережа! Ты ведь богатый, верно?

— Ну, почему сразу «богатый»... — не согласился водитель. — Получаю, конечно, неплохо...

— Получаешь неплохо, — повторил сыщик. — Скажи, а дом ты не охраняешь? Это не входит в твои обязанности?

— Нет, дом не охраняю, — покачал головой Кожемякин. — Зачем его охранять? Тут и так охраняемая территория.

— А сокровища? А вдруг снаружи в помещение, где хранились ценности, залезут? Скажи, в него с улицы можно проникнуть? Или там решетки стоят?

— Нет, решеток там нет, — ответил водитель. Теперь, когда интерес сыщика перешел с его личных дел на вопросы охраны дома, Сергей Кожемякин сразу стал чувствовать себя увереннее; Гуров отметил этот факт. — Игорь Рудольфович решеток не любит. И у нас их нигде нет, ни на одном окне. А в комнате, где хранились сокровища, вообще окон нет. Там глухая стена. И она совершенно целая — мы с Игорем Рудольфовичем ходили, осматривали ее. Хотите, пройдем с вами, сами увидите.

— А давай, — согласился Гуров. — Пойдем, посмотрим на эту стену, за которой хранились сокровища.

Глава 5

Они вышли из гаража, и Сергей включил пульт дистанционного управления, чтобы опустить ворота. Но тут открылась дверь дома, и на крыльцо быстро вышел, почти выбежал сам Игорь Забелин.

— Сергей, к тебе есть дело! — скомандовал он. Затем, увидев рядом с водителем Гурова, запнулся, поправился:

— Если, Лев Иванович, он вам срочно нужен, я решу вопрос по-другому.

— Нет, пока ничего срочного, — сказал Гуров. — Можете располагать водителем по своему усмотрению.

Хозяин дома снова повернулся к водителю.

— Бери «Мерседес» и поезжай в Домодедово. Артем и Ирина прилетают сегодня. Артем мне только что звонил. Через час они уже будут в аэропорту. Все, давай, отправляйся.

Водитель молча вернулся в гараж, и спустя минуту молочно-белый «Мерседес» выкатился из гаража и направился к выезду из поселка. А Забелин повернулся к Гурову.

— Я совсем забыл, что сын собирался сегодня вернуться, — сказал он. — Немного не вовремя, конечно... Но все равно хорошо, что сын и невестка будут здесь...

— Для расследования это тоже хорошо, — заметил сыщик. — Потому что я хотел бы познакомиться со всеми членами вашей семьи. А пока ваш сын не приехал, давайте воспользуемся оставшимся временем с пользой. Я до сих пор еще не видел помещения, где у вас хранились сокровища. Вы мне его не покажете?

— Разумеется, покажу, — сказал миллионер. — Идемте.

Они вошли в дом, повернули и оказались в небольшой комнате, обильно украшенной висящими на стенах цветами и картинами. Посреди комнаты стоял овальный стол, окруженный креслами, а вдоль стен — шкафы.

— Эту комнату я называю «малой гостиной», — объяснил Забелин. — Здесь происходят приемы, на которые я приглашаю близких друзей. И отсюда ведет вход в мою сокровищницу. В нее я приглашаю лишь избранных. Сейчас вы ее увидите.

Хозяин дома подошел к одному из шкафов, полки которого были уставлены книгами в солидных переплетах. Судя по старым переплетам, можно было понять, что эти книги были изданы не менее ста лет назад. Забелин протянул руку в глубь одной из полок, нащупал там выключатель и нажал его. Что-то тихо загудело, шкаф пришел в движение и отъехал в сторону. За ним открылась металлическая дверь в стене. В центре двери находился диск с набором букв и цифр.

— Вот и сам вход, — продолжал объяснять Забелин. — Если набрать нужную комбинацию букв и цифр — мой заветный код доступа, — дверь откроется. Я...

— Подождите минутку, — остановил хозяина дома Гуров. — Я хотел еще кое-что выяснить про этот шкаф. Кто знал, где в шкафу расположена нужная кнопка?

— Я уже думал над этим вопросом, — произнес хозяин особняка. — И отвечаю так: о месте расположения кнопки знала только моя жена Юлия. А уж сам код, с помощью которого открывается дверь, не знал никто.

— А ваш сын не знал о кнопке в шкафу?

— Нет, Артем не знал.

— Что же, вы ему и сокровища не показывали?

— Почему не показывал? Показывал, конечно. Как раз когда он пошел в школу, я в первый раз его сюда провел. Но как отодвигается шкаф, я ему не сказал.

— А еще кого вы водили в сокровищницу?

— Нескольких человек... Самых известных, почетных гостей. Например, здесь был академик Тряпицын... Еще здесь был Владислав Витальевич... Ну, вы знаете, кто такой Владислав Витальевич, где он работает... Известный богач Павел Тихонович Пашков... Вот такие люди здесь бывали. Но никто из них, конечно, не знал, как получить доступ в эту комнату. А если бы и знали — разве таких людей можно в чем-то подозревать?

— Подозревать можно самых разных людей, — не согласился с хозяином дома Гуров. — Самые неожиданные люди, на которых и подумать нельзя, оказываются замешаны в разные неприглядные истории. Значит, вы говорите, что ни кнопку в шкафу никому из ваших гостей не показывали, ни код не сообщали?

— Нет, не показывал и не сообщал, — уверенно сказал Забелин.

— Хорошо, давайте и мне не будете сообщать этот код, — предложил Гуров. — Я отвернусь, а вы набирайте. Посмотрим, как выглядит ваша знаменитая комната внутри.

— А вам не нужно отворачиваться, — сказал хозяин особняка. — Видите, тут у меня щиток из непрозрачного пластика. Вы не увидите, какие буквы и цифры я набираю. Вот, смотрите...

Забелин начал крутить диск на бронированной стене. Гуров услышал щелчки наборного механизма. Затем хозяин потянул за рукоять — и дверь с легким чмоканьем открылась. Автоматически включился свет, и сыщик увидел знаменитую комнату.

Сейчас, опустевшая, она не производила особого впечатления. Ну, идеально белое пространство, где на полу высились опоры, закрытые колпаками. Раньше на этих подставках лежали драгоценности или предметы древности. На стенах там и сям виднелись крюки, на которых когда-то висели картины. Сейчас здесь не было ничего — только пустота.

— Скажите, а ваша комната оборудована сигнализацией? — спросил сыщик.

— Конечно, оборудована, — ответил Забелин. — Она должна была сработать уже в момент включения запорного